

Изъ области сравнительнаго богословія ¹⁾.

III. О назначеніи таинствъ въ дѣлѣ оправданія человѣка.

Въ гѣсной связи съ такимъ или инымъ пониманіемъ *res significata* и его отношенія къ *signum* таинства стоитъ и вопросъ о назначеніи таинствъ въ дѣлѣ оправданія человѣка.

Все три разсматриваемыя вѣроисповѣданія различно поняли слова августиновскаго опредѣленія таинства: „*ad postquam justificationem institutum*“.

Католики, понявъ отношеніе между внѣшнею и внутреннею сторонами таинства, какъ объективное и вмѣстѣ независимое отъ акта принятія присутствіе благодати въ таинствѣ, естественно видятъ въ послѣднемъ установленное Богомъ средство для сообщенія человѣку благодати оправданія, или, соотвѣтственно внѣшне-юридическому воззрѣнію ихъ на послѣднее,—для сообщенія вѣдлняго, хотя и положительнаго дара праведности. Таинства, по ихъ представленію, суть какъ бы „каналы“ или „русла“ (*canales aut alvea*), чрезъ которые мы „получаемъ силу, протекающую отъ страданій Христовыхъ, т. е. благодать, которую Онъ для насъ заслужилъ Своєю крестною жертвою“. Но, помимо этого главнаго назначенія таинствъ, католики признаютъ и нѣкоторыя второстепенныя причины установленія ихъ въ церкви (*causae institutionis*), заимствуя ихъ изъ представленія о первомъ и третьемъ признакахъ таинства въ ихъ отношеніи къ различнымъ сторонамъ жизни оправданія. Таковы:

1) *Causa praedicatoria*, опредѣляющая отношеніе таинства, какъ *signum a Deo institutum*, къ вѣрѣ и, соотвѣтственно двумъ основнымъ моментамъ, мыслимымъ въ понятіи вѣры, какъ умственнаго и волевого акта, распадающаяся на двѣ соподчиненныя причины:

a) *causa obsignatoria*, опредѣляющая отношеніе внѣшней стороны таинства къ интеллектуальной сторонѣ вѣры (къ

¹⁾ См. Труды Киевск. Дух. Акад., 1911 г., мартъ.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. II. 1911 г.

positia fidei) и опирающаяся на законъ ограниченности чело-
вѣческой природы (*imbecillitas ingenii humani*), въ силу кото-
раго познаніе духовныхъ предметовъ не иначе можетъ со-
вершаться въ нихъ, какъ только съ помощію элементовъ
чувственаго воспріятія; и

б) *causa testificatoria*, или *testimonialis*, заимствуемая изъ
представленія о первомъ и третьемъ признакахъ таинства,
взятыхъ вмѣстѣ, и опредѣляющая отношеніе таинства къ
полевому элементу вѣры (къ *actus credendi*), какъ знака, уста-
новленнаго Самимъ Богомъ для засвидѣтельствованія и под-
твержденія непреложности божественныхъ обѣтованій, за-
ключающихся въ словѣ Божіемъ, съ цѣлію возбужденія и
утвержденія вѣры въ эти обѣтованія.

Въ первомъ отношеніи таинства разсматриваются, какъ
символы духовныхъ предметовъ, облегчающіе ихъ пониманіе
(*symbola regni sacraeum*), во второмъ—какъ заложіи, или ру-
чательства вѣрности божественныхъ обѣтованій (*pignora aut
certa testimonia divinarum promissionum*).

2) *Causa socialis*, опредѣляющая отношеніе таинства къ
внѣшней, видимой сторонѣ жизни вѣрующихъ, какъ рели-
гіознаго общества, или Церкви въ ся видимомъ обнаруже-
ніи. Въ этомъ отношеніи таинства разсматриваются съ одной
стороны, какъ знаки для различенія христіанъ отъ иновѣр-
цевъ (*notae aut tesserae discriminationis*), а съ другой—какъ орудія
единенія христіанъ между собою (*vincula conjunctionis*);—

3) *Causa professionalis*, или *foederativa*, опредѣляющая
отношеніе таинства къ внутренней сторонѣ жизни вѣрую-
щихъ, какъ религіознаго союза съ Богомъ, и разсматриваю-
щая ихъ, какъ средства исповѣданія вѣры въ Бога и выра-
женія согласія на вступленіе въ благодатный союзъ съ
Нимъ, вмѣстѣ съ принятіемъ на себя всѣхъ условій этого
союза, требуемыхъ отъ вступающихъ въ него, однимъ сло-
вомъ—какъ средства выраженія всей челоувѣческой стороны
въ религіи, обнимающей собою обязанности въ отношеніи
къ Богу и ближнему;—и наконецъ—

4) *Causa paedagogica*, частію примыкающая къ послѣднимъ двумъ указаннымъ причинамъ, поскольку упражненіе въ вѣрѣ и общеніи любви служатъ средствомъ къ возбужденію и укрѣпленію въ насъ сихъ добродѣтелей, частію же имѣющая свое особое основаніе—воспитаніе въ насъ чувства смиренія чрезъ подчиненіе чувственнымъ элементамъ, стихіямъ міра сего, въ служеніи которымъ создала себѣ нѣкогда гнѣздо гордость ума нашего, возставшаго противъ своего Творца и Промыслителя¹⁾).

Протестанты, существенно различаясь отъ католиковъ въ пониманіи *res significata* и его отношенія къ *significata* таинства, естественно не могли быть согласны съ ними и въ ученіи о причинахъ установленія таинства. Такъ, лютеране, исходя изъ своего первоначальнаго воззрѣнія на указанное отношеніе, какъ на субъективное присутствіе благодати въ таинствѣ (*si adsit fides indubitata*), совершенно логически отвергли главнѣйшее изъ указываемыхъ католиками назначеній таинства, состоящее въ сообщеніи благодати оправданія. Благодать присутствуетъ въ таинствѣ и подается приступающимъ къ нему только подъ условіемъ вѣры со стороны послѣднихъ, даже болѣе того—она, какъ внѣшній и отрицательный даръ прощенія грѣховъ, подается непосредственно вѣрѣ—во время-ли акта принятія таинства, или помимо него таинства же, поскольку съ ними связано лишь обѣтованіе о прощеніи грѣховъ, установленны только для питанія вѣры²⁾. Такимъ образомъ, лютеране съ точки зрѣнія своихъ априорныхъ (вытекающихъ изъ своеобразнаго пониманія ими процесса оправданія) воззрѣній на отношеніе благодати къ знаку таинства могли признать главнѣйшею причиною установленія таинства лишь *causa praedicatoria*. При этомъ, по-

¹⁾ Catech. Romanus, P. II, c. J, quaest. IX: „Cur sacramenta institui apud christianos oportuerit?“

²⁾ См. выше мнѣнія Лютера и Меланхтона, цитов. въ *Symbol. Möhler'a*.

нравъ *res sacramenti*, какъ внѣшнй даръ прощенія или невѣнненія грѣховъ, акта по существу своему формально-юридическаго и притомъ имѣющаго чисто отрицательное значеніе, слѣдовательно не нуждающагося въ символизации для своего уясненія, они естественно обратили вниманіе главнымъ образомъ на ту часть указанныхъ сторонъ *causa praedicatoria*, которою опредѣляется отношеніе таинства къ волевому элементу вѣры (къ *actus credendi*), понявъ ее, какъ *causa testificatoria*, а само таинство, какъ *certum testimonium fidei* (*notitia* непосредственно дается словомъ обѣтованія, *verbo promissionis*)¹⁾ Изъ другихъ причинъ установленія таинствъ они признаютъ *causa socialis* и *professionalis*. Что же касается *causa praedagogica*, то, поскольку упражненіе свободы выбора, по общепротестантской системѣ воззрѣній на оправданіе, не имѣетъ никакого вліянія на состояніе свободы дѣйствія въ человѣкѣ, постольку указанная причина не имѣетъ для себя апріорныхъ оснований въ протестантствѣ и потому, а можетъ быть и вслѣдствіе своей непричастности къ догматической сторонѣ ученія о таинствахъ, она не была предметомъ особаго символическаго опредѣленія протестантовъ.

Таковъ былъ первоначальный взглядъ лютеранъ на причины установленія таинствъ²⁾. Со временемъ, однако,

¹⁾ *Apol Conf Aug*, art. VII, §§ 3, 4, 5: „Ritus ab hominibus instituti non erunt. sacramenta. Non est enim autoritatis humanae promittere gratiam. Quare signa, sine mandatu Dei instituta, non sunt certa signa gratiae... Certo enim debent statuere corda, cum baptizamur, cum vescimur corpore Domini. cum absolvimur, quod vere ignoscat nobis Deus propter Christum.. Sicut autem verbum incurrit in aures, ut feriat corda, ita ritus ipse incurrit in oculos, ut moveat corda“.

²⁾ *Conf. Aug art XIII*: „De usu sacramentorum docent, quod sacramenta instituta sint, non modo ut sint notae professionis inter homines, sed magis ut sint signa et testimonia voluntatis Dei erga nos, ad excitandam et confirmandam fidem in his, qui utuntur, proposita“, гдѣ *notae professionis* обвиняетъ собою и *socialis* и *professionalis* причины установленія таинствъ.

какъ было указано выше, подъ дѣйствіемъ частныхъ, фактическихъ основаній (положительныхъ свидѣтельствъ Писанія касательно таинствъ евхаристіи) лютеране измѣнили свой первоначальный взглядъ на отношеніе *res significata* къ *signum* таинства, признавъ объективное присутствіе благодати въ таинствѣ *in usu*. Но и тогда они воздержались отъ усвоенія католической точки зрѣнія на таинства, какъ на „каналы“ или „русла“ благодати, такъ какъ она необходимо ведетъ къ признанію присутствія благодати въ таинствѣ прежде полученія ея, т. е. прежде акта приступленія къ таинству, и такимъ образомъ неизбежно возстановляетъ католическое положеніе: „*sacramenta continent gratiam*“. Они остановились на представленіи о таинствахъ, какъ орудіяхъ благодати (*instrumenta gratiae*), т. е. средствахъ для передачи силы лишь въ моментъ ея дѣйствія, или, точнѣе, для передачи не самой силы (исключеніе сдѣлано лишь для евхаристіи), но только дѣйствія послѣдней (насколько возможно представленіе о реальной раздѣльности между силою и дѣйствіемъ), при чемъ орудіе временно, въ моментъ дѣйствія силы, является какъ бы составною частію ея, какъ ближайшая причина производимаго ею дѣйствія. Но указанный оттѣнокъ въ понятіи „орудія“ (*instrumentum*, какъ средства для передачи дѣйствія, а не силы) дѣлаетъ этотъ терминъ вполне пригоднымъ и для обозначенія первоначального, апіорнаго воззрѣнія лютеранъ на назначеніе таинствъ, какъ *certum testimonium gratiae, a Deo institutum*. И мы, дѣйствительно, видимъ его употребленіе въ приложеніи къ таинствамъ въ символическихъ книгахъ лютеранства, начиная съ самой ранней эпохи существованія сего вѣроисповѣданія¹⁾.

¹⁾ Conf. Aug., art. V: *Nam per verbum et sacramenta, tanquam per instrumenta, donatur Sp. Sanctus, qui fidem efficit, ubi et quando visum est Deo, in iis, qui audiunt evangelium, scilicet, quod Deus non propter*

Реформаты, какъ мы видѣли выше, до конца удержали представление о субъективной связи благодати съ знакомъ таинства. Слѣдствіемъ этого было неуклонно отрицательное отношеніе съ ихъ стороны къ воззрѣнію на таинства, не только какъ на „каналы“, но и какъ на „орудія“ (instrumenta) благодати¹⁾. И для нихъ, какъ и первоначально для лютеранъ, главнѣйшею причиною установленіе таинствъ является causa praedicatoria. Но вслѣдствіе отрицанія свободы выбора въ человѣкѣ они могли допустить отношеніе таинства, какъ знака благодати, лишь къ интеллектуальной сторонѣ вѣры (къ *notitia*, пбо *persuasio*,—волевой элементъ вѣры, соответствующій лютеранскому *actus credendi*,—непосредственно соединяется благодатию, непреодолимо дѣйствующею на избранныхъ) и понять causa praedicatoria лишь въ первомъ изъ указанныхъ ея значеній, т. е. какъ causa obsignatoria.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что означенное представление о назначеніи таинствъ, какъ символовъ благодати, не сразу создалось въ умахъ реформатовъ, а выяснилось посте-

nostra merita, sed propter Christum justificet hos, qui credunt, se propter Christum in gratiam recipi“,—гдѣ соединено подъ общимъ терминомъ *instrumenta* слова и таинствъ ясно показываетъ, что этотъ терминъ употребляется здѣсь въ смыслѣ орудія дѣйствій благодати, а не средства (проводника) для сообщенія ея, какъ силы. Срв. *Apol. Conf.*, art. VII, § 5, гдѣ проводится мысль, что эффектъ слова и таинствъ въ сущности одинъ и тотъ же, а также *ibid.*, art. XII, гдѣ особенно характерно сравненіе таинствъ съ печатью (*sigillum*) слова, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы „двигать сердца *ad credendum*“ (§ 70 sqq.). Въ другихъ мѣстахъ лютеранскихъ символическихъ книгъ съ особою силою внушается мысль, что только чрезъ эти вѣршія орудія (*instrumenta*), именно чрезъ слово и таинства, а не независимо отъ нихъ (какою-либо *virtute arcana*, какъ въ реформатствѣ), дѣйствуетъ на людей Духъ Святой. См. *Apol. Conf.* XII, 71; *Catech. major*, P. IV, § 30; *Form. Conc.*, P. I, art. II, aff. IV, neg. VI; P. II, art. II, § 50 etc.

¹⁾ *Zwingli*, *Fidei ratio*: „*Dux autem vel vehiculum Spiritui non est necessarium*“ etc., цит. выше. Срв. *Calv.*, *Cons. cap. expos.*: „*Nam virtutem illis (=sacramentis) affingere, quam externus tantum usus instar canalus in animas infundat, plane insipida suberstitia*“. См. *Niemeyer*, *Conf. Conf.*, p. 209.

пенно, въ связи съ общимъ ходомъ развитія реформатской системы вѣроученія. Такъ, Цвингли, первый родоначальникъ реформатства, усвоивъ себѣ формально юридическую точку зрѣнія на оправданіе, возвыщенную Лютеромъ (оправданіе, какъ невмѣненіе грѣховъ ради заслугъ І. Христа, и обновленіе, какъ возникновеніе fiducia въ челоуѣкѣ, съ замѣною свободнаго actus credendi лютеранъ чрезъ persuasio, непосредственно создаваемое Духомъ Св.), вначалѣ отвергъ всякое отношеніе таинствъ къ внутренней сторонѣ религіозной жизни вѣрующихъ, признавъ единственною причиною установленія ихъ causa socialis¹⁾. И это вполне понятно. Въ самомъ дѣлѣ, если fides, какъ notitia, съ его исключительно формальнымъ содержаніемъ, непосредственно дается *изъ слуха* (ex auditu), а fides, какъ persuasio, творится въ душѣ челоуѣка Духомъ Святымъ, то, при такихъ условіяхъ возникновенія въ челоуѣкѣ вѣры, ни одно изъ вышеуказанныхъ отношеній къ ней таинства, мыслимыхъ въ понятіи causa praedicatoria institutionis sacramentorum, не можетъ быть удержано: causa testimonialis, опредѣляющая отношеніе таинства къ формальной свободѣ челоуѣка, не совместима съ представленіемъ о persuasio, создаваемомъ непреодолимо дѣйствующею на челоуѣка благодатію, тогда какъ causa obsignatoria является излишнею, ненужною, при формально-отрицательномъ содержаніи вѣры, какъ notitia. Отсюда въ первоначаль-

¹⁾ Zwing. Fidei ratio: „Ex quibus (т. е. изъ того, что дѣйствіе благодати предшествуетъ акту принятія таинства) hoc colligitur, sacramenta dari in testimonium publicum ejus gratiae, quae cuique privato prius adest... Baptismo igitur Ecclesia publice recipit eum, qui prius receptus est per gratiam. Non ergo adfert gratiam baptismus, sed gratiam factam esse ei, cui datur, Ecclesiae testatur. Credo igitur, o Caesar, sacramentum esse sacrae rei, hoc est factae gratiae signum.. Et ob hanc causam sacramenta... religiose coeunda... sunt, ut enim gratiam facere non possunt, Ecclesiae tamen nos visibiliter sociant, qui prius invisibiliter sumus in illam recepti“. Niemeyer, P. I, pp. 25, 26. Срв. Zwing., De vera et falsa religione, цитов. у Möhler'a въ Symbolik, p. 271, n. 2: „Sacramenta reddunt ecclesiam totam potius certiore de tua fide, quam te“.

номъ воззрѣніи Цвингли таинства явились только знаками различіи христіанъ отъ мновѣрцевъ и церковнаго общенія первыхъ между собою (*notae aut tesserae societatis christianorum*). Вскорѣ однако, вѣроятно, побуждаемый желаніемъ умѣрить пылъ негодованія своихъ свѣтскихъ и духовныхъ противниковъ за высказанныя имъ крайне отрицательныя воззрѣнія на существо и назначеніе таинствъ, онъ нашелъ необходимымъ возстановить и остальные причины установленія таинствъ, заимствуемыя изъ разсмотрѣнія ихъ перваго и третьяго признаковъ, при чемъ, сообразно особенностямъ своихъ воззрѣній на оправданіе, онъ существенно измѣняетъ смыслъ указанныхъ причинъ, въ какомъ понимали ихъ католики и лютеране.

Исходя изъ того положенія, что таинства установлены самимъ І. Христомъ, Цвингли находитъ возможнымъ смотрѣть на нихъ не только какъ на свидѣтельства вѣры приступающихъ къ нимъ предъ церковью (*publicum testimonium fidei*), но и какъ на средства для утвержденія въ вѣрѣ (*certa testimonia*) самихъ принимающихъ ихъ, т. е. признать *causa testificatoria institutionis sacramentorum*. Но при этомъ онъ допускаетъ вліяніе таинства на волевой элементъ вѣры въ его отношеніи не ко всему интеллектуальному содержанию послѣдней, а лишь къ той его части, которая составляетъ предметъ простаго знанія. Все содержаніе вѣры (*notitia*) дѣлится имъ на исторію и внутренній смыслъ или значеніе исторіи (*historia et effectus historiae*). Достоувѣрность первой (событій земной жизни и особенно крестной смерти и воскресенія Спасителя) можетъ быть засвидѣтельствована таинствами, подобно тому какъ всякія другія историческія событія подтверждаются въ своей достовѣрности остающимися послѣ нихъ памятниками, достовѣрность же втораго (*effectus historiae*) непосредственно свидѣтельствуется Духомъ Святымъ сердцу избранныхъ. И здѣсь лежитъ существенное различіе въ воззрѣніи Цвингли на *causa testimonialis institu-*

tionis sacramentorum отъ лютеранскаго воззрѣнія на тотъ же предметъ,—различіе, причина котораго явно заключается въ неодинаковомъ пониманіи тѣмъ и другими чловѣческой свободы, именно въ томъ, что Цвингли, какъ и вообще реформаты, отрицають формальную свободу въ падшемъ и возрожденномъ чловѣкѣ, а лютеране допускають въ немъ эту свободу¹⁾.

Гораздо легче было для Цвингли возстановить causa obsignatoria institutionis sacramentorum, опредѣляющую отношеніе таинства къ интеллектуальной сторонѣ вѣры (къ *potitia fidei*), независимой въ своемъ происхожденіи отъ свободы выбора или, по крайней мѣрѣ, зависимой отъ ней лишь настолько, насколько послѣдняя участвуетъ во внѣшнихъ актахъ слушанія слова Божія и принятія таинствъ, каковаго участія не отрицають и реформаты. Уже въ своихъ раннихъ богословскихъ произведеніяхъ Цвингли опредѣляетъ таинство, какъ „знакъ *бывшій* (*factae*) благодати“ или какъ „публичное свидѣтельство о благодати, которая прежде частно каждому подается“, каковыя выраженія необходимо предполагають нѣкоторое символическое соотношеніе между знакомъ и предметомъ, имъ обозначааемымъ²⁾.

¹⁾ Zwingli, *Expos. cur fidei De Deo et cultu ejus*, II: „Primum, quod fidem, quae in Deum fiducia est, nemo nisi Spiritus sanctus dat, nulla res externa. Quamvis faciant fidem sacramenta, sed *historicam*. Omnes enim panegyres, trophaea, imo monumenta et statuariae fidei historiam faciunt, hoc est, movent olim aut quiddam esse factum, ejus memoria refricetur. Hoc ergo modo coena Domini fidem facit, hoc est, certo significat Christum esse natum et passum., *at pro nobis esse passum*, id vero piis ac fidelibus tantum significat. Nemo enim pro nobis esse passum scit aut credit, nisi quem Spiritus intus docuerit agnoscere misterium divinae bonitatis. Is enim solus Christum recipit. Fiduciam ergo in Deum nihil, nisi Spiritus, dat“. Niemeyer, *Coll. conf.*, p. 70.

²⁾ Zwingli, *Fidei ratio*: „Ex quibus hoc colligitur, sacramenta dari in testimonium publicum ejus gratiae, *quae cuique privato prius adest*“ etc, цит. выше. И далѣ тамъ же: „Credo (sacramentum) esse invisibilis gratiae, quae scilicet Dei munere facta et data est, visibilem figuram

Въ одномъ изъ болѣе позднихъ своихъ сочиненій онъ подробно раскрываетъ указанное соотношеніе, называемое имъ *аналогическимъ*, различая въ немъ три вида аналогіи, соотвѣтственно тремъ главнымъ сторонамъ, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемо ученіе о спасеніи человѣка; а) историческую аналогію, касающуюся ученія о совершенномъ Г. И. Христомъ искупленіи въ его главныхъ моментахъ (рожденіе, смерть и воскресеніе Спасителя, воплощеніе и страданіе), б) нравственную, касающуюся ученія объ оправданіи, также въ его главныхъ моментахъ (освобожденіе отъ грѣха и приобщеніе ко Христу), в) социальную, касающуюся ученія о церкви, какъ обществѣ святыхъ, соединенныхъ въ одно тѣло подъ главенствомъ Христа (выбраніе и вступленіе въ это общество и состояніе, или пребываніе членомъ его). Но будучи знаками или символами предметовъ столь возвышенныхъ, таинства, по мнѣнію Цвингли, назначены однако не столько для уясненія этихъ предметовъ въ сознаніи вѣрующахъ, каковое назначеніе мыслится католиками въ понятіи *causa obsignatoria institutionis sacramentorum*, сколько для утвержденія и сохраненія ихъ въ памяти христіанъ; иными словами—таинства, по мысли Цвингли, содѣйствуютъ или способствуютъ не столько ясности, сколько живости религіозныхъ представленій, или, что тоже, *causa obsignatoria* понята ими скорѣе какъ *repraesentativa*, чѣмъ —*declarativa* ¹⁾. Указанный отгѣнокъ въ пониманіи со стороны

sive formam, hoc est visibile exemplum, quod tamen fere analogiam quandam rei per Spiritum gestae prae se fert... Ut cum baptizamus, abluatur corpus mundissimo elemento, sed hoc significatur, gratia divinae bonitatis in Ecclesiae et populi Dei coetum allectos esse, in quo candidè sit ac pure vivendum". Memeyer, p. 26.

¹⁾ Zwing., Expos. fidei: „Omnes panegyres. monent olim aut quiddam esse factum, cuius memoriam refricetur“ (цитов. выше). Ibidem. De Deo et cultu ejus, II, 15: „Sacramenta sunt rerum verarum significationes, quae res vere per essentiam et naturaliter aliquando gestae sunt: eas, inquam, res referunt, commemorant ac velut ante oculos ponunt...

Цвингли *causa obsignatoria inst. sacr.* объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что возвышеннѣйшая и труднѣйшая для воспріятія часть интеллектуальнаго содержанія вѣры, именно—представленіе о внутренней, нравственной сторонѣ процесса оправданія, отличается у него, какъ и у лютеранъ, формальнымъ характеромъ и, какъ таковая, не требуетъ для своего уясненія въ сознаніи вѣрующихъ какого-либо чувственнаго посредства.

Вмѣстѣ съ допущеніемъ *causa obsignatoria* и *testimonialis*, Цвингли расширилъ и представленіе о *causa professionalis institutionis sacramentorum*, а также указалъ и на ихъ педагогическое значеніе. Въ первомъ отношеніи таинства признаны были имъ не только средствами для выраженія, или исповѣданія вѣры со стороны приступающихъ къ нимъ предъ церковью (*publicum testimonium fidei*), но и формами принятія на себя христіанскихъ обязанностей для вступающихъ въ церковь; во второмъ—служба орудіемъ для напоминанія вѣрующимъ объ ихъ обязанностяхъ, они тѣмъ самымъ служатъ лучшимъ пособіемъ для духа въ дѣлѣ обузданія чувственности. Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ указанныхъ причинъ установленія таинствъ¹⁾ самыми главными и существенными для ихъ опредѣленія Цвингли признаетъ *causa testimonialis*, взятую въ ея отношеніи къ историческому элементу интеллектуальнаго содержанія вѣры (*analogia historica*), въ связи съ которымъ она получаетъ значеніе *causa commemorativa*, и затѣмъ *causa professionalis*, въ силу ко-

Christus morte sua expiavit scelera nostra: jam Eucharistia hujus rei commemoratio est... qua commemoratione universa commemorantur Dei beneficia, quae nobis per Filium suum praestitit: deinde symbolis ipsis, pane scilicet ac vino, Christus ipse velut oculis repraesentatur, ut sic non jam auditus tantum, sed et visus et gustus Christum videant ac sentiant, quem animus in sinu praesentem habet illoque gaudet. Niemeyer, p. 39.

¹⁾ Подробно всѣ эти причины изъясняются въ *Expositio chr. fidei*, въ отдѣлѣ: „*Quae sacramentorum virtus*“. См. Niemeyer, pp. 50—53.

торой таинства *vice juri-jurandi sunt*¹⁾, такъ какъ указанныя причины, вмѣстѣ съ первоначально допущенною Цвингли *causa socialis*, наиболѣе согласны съ особенностями его воззрѣній на оправданіе, какъ на актъ формальный, отрицательный (за исключеніемъ положительнаго дара вѣры, въ ея второмъ моментѣ — именно *persuasio*) и въ то же время совершенно независимый отъ свободнаго произволенія человека.

Кальвинъ, не отступая отъ основныхъ началъ реформатской системы вѣроученія, развилъ болѣе возвышенное и глубокое воззрѣніе на назначеніе таинствъ въ дѣлѣ спасенія человека, по сравненію съ Цвингли. По его ученію таинства суть не только „знаки исповѣданія“ (*notae professionis*) и „символы благодати уже данной“ (*symbola factae gratiae* или *rerum jam gestarum*), но и печати *обѣтованій* Божіихъ“ (*sigilla promissionum Dei*) и даже „*посредства*, чрезъ которыя въ насъ дѣйствуетъ Духъ Святый“ (*media ac organa, per quae Spiritus sanctus in nobis operatur*)²⁾. Указан-

Слѣдующій отрывокъ изъ *Conf. Helv. prior sive Basiliensis post. a. 1536*, почтенный у Niemeyer'a же, представляетъ собою сжатый, но точный конспектъ указаннаго отдѣла *Expositio* Цвингли: „§23.—Itaque immerito fit nostro maximo, quod quidam parum nos tribuere sacris symboli^s putant: sunt enim haec res sanctae venerandaeque, utpote a summo sacerdote Christo institutae et susceptae, suo quo diximus modo res significatas exhibentes, *testimonium* rei gestae praehentes, res tam arduas *repraesentantes* et mirabili quadam rerum significatarum *analogia* clarissimam mysteriis istis lucem afferentes. Ad haec *auxilium* opemque ipsi *suppeditant* fidei, ac *jurisjurandi* denique *vice* initiatum capiti Christi et ecclesiae adstringunt“.

¹⁾ Zwing. *Expos. fidei*, II, 18: „Docemus ergo, sacramenta coli debere, velut res sacras, ut quae res sanctissimas significant, tam eas, *quae gestae sunt*, tam eas, *quas nos agere et exprimere debemus*“. Niemeyer, p. 40. .

²⁾ Calv, *Cons. cap. expositio*: „(Fatemur) sacramenta neque inanes esse figuras neque externa tantum pietatis insignia, sed promissionum Dei *sigilla*, testimonia spiritualis gratiae ad fidem fovendam et confirmandam, item *organa* esse, *quibus efficaciter agit Deus in suis electis*, ideoque, licet a rebus signatis distincta sint signa, non tamen disjungi nec separari“. Niemeyer, p. 204. *Conf. Belg. art. XXXIII*. „Sunt enim sacramenta

ныя особенности въ ученіи Кальвина о назначеніи таинствъ стоять въ зависимости частію отъ своеобразнаго пониманія имъ *res significata* и его отношенія къ *signum* таинства, частію же отъ особаго историческаго (примирительнаго) положенія его между Цвингли, Лютеромъ и католиками.

Понявъ *res significata sacramenti*, какъ процессъ дѣйствительнаго внутренняго обновленія человѣческой природы Духомъ Святымъ, какъ возстановленіе въ падшемъ человѣкѣ свободы дѣйствія къ добру, Кальвинъ имѣлъ возможность расширить *causa obsignatoria institutionis sacramentorum* до степени *causa declarativa*, а не *repraesentativa* только, въ какомъ смыслѣ главнымъ образомъ понималъ её Цвингли. Иными словами, онъ имѣлъ основаніе полагать назначеніе таинствъ въ уясненіи сознанію вѣрующихъ, а не въ оживленіи только въ памяти ихъ, религіозныхъ представленій, обозначаемыхъ таинствами, какъ такихъ представленій, которыя относятся своимъ содержаніемъ къ *внутренней* сторонѣ процесса оправданія („*rerum internarum et invisibilium*“, по выраженію Бельг. исповѣданія; см. предыд. примѣчаніе) и потому особенно нуждаются въ такомъ уясненіи. Отсюда таинства, понятыя со стороны Цвингли, какъ только „знаки бывшей благодати“, какъ „символы дѣлъ *никогда* совершенныхъ“ (*signa factae gratiae, symbola rerum aliquando gestarum*¹⁾), съ кальвиновской точки зрѣнія являются также „знаками, посредствомъ которыхъ Богъ то, что внутри насъ Самъ совершаетъ, во внѣ изображаетъ и знаменуетъ и какъ бы поставляетъ предъ глазами для созерцанія“²⁾.

signa, ac symbola visibilia rerum internarum et invisibilium, per quae, seu per media, Deus ipse virtute Spiritus sancti in nobis operatur“: а также Catech. Genev...: „*Virtutem suam (sentio) exerere Domino placuerit per sua organa, quem in finem ea destinavit. Quod quidem ita facit, ut Spiritus sui virtuti nihil detrahat*“ (Niemeyer, p. 161; Corpus et syntagma confess., p. 143).

¹⁾ Zwingl., Fidei ratio, цитов. выше. См. Niemeyer, pp. 24, 28, 39.

²⁾ Calv., Cons. cap. expos.: „Data esse (fatemur sacramenta), ut quod verbo suo pollicitus est Deus, sanciant et confirment, ac *praesertim*

Далѣе, представленіе о связи *res significata* съ *signum* таинства, какъ о дѣйствительномъ, хотя и субъективномъ (подъ условіемъ *избранія* приступающихъ къ таинству) присутствіи обновляющей благодати въ таинствѣ въ моментъ принятія его, несомнѣстимое съ католическимъ воззрѣніемъ на нихъ, какъ на *canales aut alvea gratiae*, равно какъ и съ лютеранскимъ—*instrumenta gratiae* (собственно, какъ *instrumenta collationis gratiae*, въ то время какъ въбра—*fiducia* является для нихъ *instrumentum acceptiois gratiae*), тѣмъ не менѣе однако дастъ возможность смотрѣть на нихъ, съ одной стороны какъ на среду (*medium*), въ которой и чрезъ которую Богъ дѣйствуетъ на избранныхъ ко спасенію, а съ другой—какъ на побочныя, второстепенныя средства (*organa, adminicula*), чрезъ употребленіе которыхъ первоначально—независимыя отъ какого-либо чувственнаго средства дѣйствія обновляющей благодати, переходя изъ безсознательной области или стороны существа человѣческаго въ сознательную, достигаютъ своего наивысшаго завершенія и утвержденія. Такимъ образомъ таинства, по воззрѣнію Кальвина, суть установленныя Богомъ средства (*media*) не для сообщенія благодати оправданія, понятой имъ въ смыслѣ творческой силы обновленія человѣческой природы (не *canales gratiae*), и даже не для дѣйствія этой силы, такъ какъ Духъ Святый не нуждается во внѣшнихъ орудіяхъ для совершенія Своего освящающаго дѣйствія на душу человѣка (не *instrumenta gratiae*), наконецъ, не для предварительнаго приготовленія или предрасположенія человѣка къ воспріятію

*arcantum, quae nobis cum Christo est, communicationem obsignat** и далѣе выясняется сущность этого таинства и того общенія со Христомъ. См Niemeyer, pp. 204, 205. Срв Conf. et expos Chr. fidei (Helv major) cap. XIX: „Sunt autem sacramenta symbola mystica... quibus item (Deus) quae ipse nobis interiorius praestat, exteriorius repraesentat, ac veluti oculis contemplanda subicit*. Corpus et syntagma confessionum, p 42. Срв также Cons. Tigur., tit. VIII.

и усвоенію этихъ освящающихъ дѣйствій Духа, такъ какъ благодать Духа Святаго, подаваемая избраннымъ въ таинствахъ (т. е. *in usu*) или помимо нихъ, съ реформатской точки зрѣнія, не нуждается въ такихъ предрасполагающихъ къ воспріятію ея дѣйствій внѣшнихъ пособіяхъ, ибо дѣйствуетъ непреодолимо,—но лишь для проведенія уже совершенныхъ или еще только совершаемыхъ дѣйствій обновляющей благодати въ сознаніе человѣка, иначе—для приведенія человѣка къ сознанію того, что въ немъ, хотя и безъ участія его, совершается Духомъ Святымъ. И это назначеніе принадлежитъ не исключительно таинствамъ, но раздѣляется имъ вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ и что особенно важно, выполняется имъ лишь по отношенію къ *избраннымъ*. Таинства суть лишь придаточныя пособія къ слову и стоятъ къ нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ вообще наглядныя изображенія, иллюстраціи относятся къ тексту. Какъ таковыя, они имѣютъ значеніе лишь для образованія въ насъ интеллектуальнаго содержанія вѣры (*notitia fidei*), т. е. содержанія релігіозныхъ представленій, а не убѣжденія въ ихъ истинности.

Правда, Кальвинъ и его послѣдователи, повидимому, указываютъ и на отношеніе таинствъ къ волевому элементу вѣры, когда называютъ ихъ „печалями обѣтованій Божіихъ“ (*sigilla promissionum Dei*), данными для утвержденія и удостовѣренія того, что Богъ обѣщаль въ Своемъ словѣ, (*ut, quod verbo suo pollicitus est, sanciant et confirment*), а также „свидѣтельствами духовной благодати“, данными для укрѣпленія и усиленія вѣры (*testimonia spiritualis gratiae ad fidem fovendam, adjuvandam, confirmandam, argendam*¹⁾). Но, во-

¹⁾ Calv., Cons. cap. expos., цитъ выше (Niemeyer, p. 204) Срв. Cons. Figur. art. VIII: „Quum autem vera sint, quae nobis Dominus dedit gratiae suae *testimonia et sigilla*, vere procul dubio praestat ipse intus suo Spiritu, quod oculis et aliis sensibus figurant sacramenta“.

первыхъ, самъ же они рѣшительно утверждаютъ, что названіе „sigilla“ принадлежитъ таинствамъ въ несобственномъ смыслѣ, и что одинъ только Духъ Св. есть собственно sigillum Своихъ обѣтованій, какъ единый начинатель и совершитель нашей вѣры¹⁾. Во-вторыхъ, не менѣе рѣшительно они настаиваютъ также и на той мысли, что таинства не производятъ вѣры въ человѣкѣ, (non efficiunt, neque excitant fidem), такъ какъ сама вѣра предшествуетъ таинствамъ и своимъ присутствіемъ въ человѣкѣ обусловливаетъ всю сумму благодатныхъ вліяній, получаемыхъ имъ чрезъ таинства²⁾. Таинства поддерживаютъ и укрѣпляютъ нашу вѣру въ божественныя обѣтованія лишь тѣмъ, что они приносятъ эти обѣтованія нашему сознанию, вмѣстѣ съ словомъ Божиимъ, и могутъ быть названы „печатилми“ (sigilla) лишь въ томъ смыслѣ, что они завершаютъ образованіе религиозныхъ представленій въ насъ, начатое словомъ Божиимъ и внутреннимъ дѣйствіемъ Духа Св.³⁾ И въ этомъ послѣднемъ отношеніи таинствамъ принадлежитъ второстепенное, подчиненное, служебное значеніе, по сравненію съ словомъ Божиимъ съ одной стороны и внутреннею благодатію Духа съ другой. По отношенію къ слову таинства суть только иллюстраціи, „приложенія“ (appendices ac sigilla), не заключающія въ себѣ ничего большаго того, что содержится въ

срв. также Conf. et expos. fidei, c. XIX: „Et verbum Dei habetur instar tabularum vel litterarum, sacramenta vero instar sigillorum, quae litteris Deus appendit solus“. Corpus et syntagma, p. 43.

¹⁾ Cons. Figur. art. XV.

²⁾ Ibid., art. XVIII: „Quandum vero ad homines spectat, quisque pro fidei suae mensura accipit (dona Christi in sacramentis)“; ibid., art. XIX: „Nam quum jubeantur singuli seipsos probare, inde consequitur, fidem ab ipsis requiri, antequam ad sacramenta accedant“.

³⁾ Calv., Cons. cap. expositio: „Sacramentis Deum uti (concedimus) tanquam adiumentis ad fidem fovendam et augendam, insculptas esse illis aeternae salutis promissiones, ut eas conscientis nostris offerat, neque vacua rebus esse signa, quia Deus illis Spiritus sui efficaciam coniungat“. Niemeyer, p. 205.

словѣ, отъ котораго они получаютъ всю свою значимость, какъ символы ¹⁾).

Въ отношеніи къ благодати таинства хотя и являюся посредствами (*media pro infirmitatis nostrae captu ac organa*), но все значеніе ихъ въ процессѣ внутренняго обновленія челоуѣка заключается лишь въ томъ, чтобы быть наглядными изображеніями (*tesserae repraesentativae aut picturae*) всѣхъ тѣхъ благъ, которыя однажды навсегда были намъ дарованы Богомъ во Христвѣ и которыя мы ежедневнo восприимаемъ ²⁾). Такимъ образомъ, хотя Кальвинъ и называетъ таинства „посредствами“, чрезъ которыя Духъ Св. въ насъ дѣйствуетъ, однако онъ менѣе всего былъ расположенъ смотрѣть на нихъ, какъ на орудія для сообщенія благодати оправданія, когда рѣшительно утверждалъ, что эти „посредства“ (*organa*) ничего не отнимаютъ у того главнаго дѣйствованія, которое Богъ производитъ въ избранныхъ Своею непосредственною тайною (*arcano*) силою, или когда утверждалъ, что Богъ, хотя и пользуется таинствами, какъ посредствами, однако дѣлаетъ это такимъ образомъ, что вся сила или всѣ плоды, проистекающіе изъ употребленія таинствъ, принадлежатъ только Ему одному ³⁾). Равнымъ образомъ, называя таинства „свидѣтельствами духовной благодати“ или „печатами божественныхъ обѣтованій“ (*testimo*

¹⁾ Ibid. (p. 206): „*Nam quum nihil obscurius sit quam sacramenta efferni supra verbum, cujus appendices sunt ac sigilla, nihil verbo congruere reperient, quod non sacramentis quoque demus*“.

²⁾ Ibid.: „*tenique si unicum agnoscunt salutis nostrae auctorem Deum, qui sacramentis plus dari postulant, quam ut arcanae illius gratiae media pro infirmitatis nostrae captu sint et organa? A contemptu porro ea satis superque hoc unum vendicat, non modo bonorum omnium, quae nobis se nel in Christo exhibet Deus et nos quotidie percipimus, esse tesseras, sed externae eorum repraesentationi conjunctam esse Spiritus efficaciam, ne manes sicut picturae*“.

³⁾ Calv., Institut., L. IV, c. XIV, § 17: „*Nos vero contendimus, quaecumque adhibeat organa, primariae ejus operationi nihil decedero*“.

Срв. Cons. Tigur., art. XII, XIII.

nia spiritualis gratiae et sigilla promissionum Dei), онъ менѣе всего думалъ усвоить таинствамъ какое-либо значеніе въ процессѣ возникновенія и сохраненія волевого элемента въ-рѣ, каковое значеніе (causa testificatoria) признаютъ за ними католики и лютеране. Таинства, по его мнѣнію, суть „свидѣтельства и печати благодати“, но лишь въ томъ смыслѣ что Самъ Богъ свидѣтельствуеетъ въ людяхъ то, чему они служатъ знаками, Онъ же одинъ собственно есть „печать“ Своихъ обѣтованій, какъ непосредственно, Своею внутреннею силою создающій въ человѣкѣ убѣжденіе въ истинности послѣднихъ, соединяя съ высшими актами засвидѣтельствованія и запечатлѣнія самое исполненіе этихъ обѣтованій, значительною своею частію заключающееся во внутреннихъ освящающихъ дѣйствіяхъ Духа Святаго, присутствіе Котораго необходимо ощущаютъ въ себѣ избранные¹⁾. Безъ этого же внутренняго обновленія, совершаемаго въ человѣкѣ Духомъ Святымъ, таинства являютя пустыми и безсодержательными знаками, не приносящими никакой пользы приступающимъ къ нимъ²⁾. А такъ какъ убѣжденіе въ истинности божественныхъ обѣтованій (persuasio, служащее вторымъ моментомъ въ реформатскомъ понятіи о вѣрѣ), какъ и всякое движеніе воли, есть по существу своему актъ простой, неразложимый на составные элементы, то, поставляя бытіе этого акта въ человѣкѣ въ за-

¹⁾ Calvin. (Cons. cap. expos.) говоритъ, что таинства не „vacuis et inanibus figuris conferri, quum in illis vere testetur Deus, quod figurat, et simul arcana virtute praestet atque impleat, quod testatur“. Niemeyer, p. 204; срв. Cons. Tigur., art. XIII, XV.

²⁾ Calv., Inst. L. IV, c. XIV, § 9: „Sic inter Spiritum sacramentaque partior, ut penes illum agendi virtus resideat, his ministerium duntaxat relinquatur: idque sine Spiritus actione inane ac frivolum: illo vero intus agente, vimque suam exerente, multae enegrae refertum“.—Cons. Tigur., art. XIII: „De sacramentis dicendum est, ea nihil esse, quia nihil profutura sunt, nisi Deum in solidum omnia efficiat: organa quidem sunt, quibus efficaciter, ubi visum est, agit Deus: sed ita, ut totum salutis nostrae opus ipsi uni consentium esse debeat“.

висимость отъ таинствъ, разсматриваемыхъ въ связи съ внутреннимъ дѣйствіемъ Св. Духа, Кальвинъ естественно не могъ указать значенія, которое въ этомъ процессѣ созиданія въ человѣкѣ *persuasio* принадлежало бы собственно таинствамъ. Правда, таинства, по его воззрѣнію, имѣютъ отношеніе не къ первоначальному возникновенію въ насъ вѣры, такъ какъ бытіе послѣдней, будучи результатомъ внутренняго обновленія Духомъ, можетъ и предшествовать акту принятія ихъ, но лишь къ поддержанію, укрѣпленію и возрастанію ея въ человѣкѣ (не *ad excitandam* или *efficientandam*, но *ad fovendam*, *adjuvandam*, *confirmandam*, *augendam*, *alendam*, *promovendam*). Указанное значеніе, повидимому, можетъ быть отнесено къ волевому элементу вѣры даже и съ реформатской точки зрѣнія, ибо „убѣжденіе“, какъ и всякій другой волевой актъ, будучи простою величиною въ смыслѣ качественномъ или, точнѣе, субстанціональномъ, въ то же время можетъ быть разсматриваемо количественно (интенсивно) сложною величиною, какъ допускающее въ себѣ различеніе степеней напряженія (энергіи). Но усвоеніе такого значенія таинствамъ не могло быть допущено Кальвиномъ, какъ стоящее въ противорѣчій съ общимъ положеніемъ реформатовъ, по которому вся сумма спасительныхъ вліяній, получаемыхъ нами въ таинствахъ, а слѣдовательно и второй моментъ въ понятіи *salutaris efficientia sacramenti*, къ которому относится сохраненіе и возрастаніе вѣры въ насъ, принадлежить исключительно благодати.

Такимъ образомъ, все то значеніе, которое Кальвинъ, повидимому, приписываетъ таинствамъ въ дѣлѣ внутренняго обновленія человѣка, когда называетъ ихъ „*media seu organa, per quae Deus in nobis operatur*“, равно какъ и въ дѣлѣ сохраненія и утвержденія волевого элемента вѣры въ немъ (возникновеніе вѣры имъ нигдѣ не приурочивается къ таинствамъ), когда называетъ ихъ „*testimonia gratiae spiritualis et sigilla Dei promissionum ad fidem fovendam et confirman-*

дан“,—онъ усволяетъ имъ не въ силу чего-либо принадле- жащаго имъ самимъ, по существу своему всегда остающим- ся не инымъ чѣмъ, какъ внѣшними знаками, а лишь въ силу того, что онъ въ этихъ случаяхъ разсматриваетъ ихъ въ связи съ обозначаемою ими благодатию, дѣйствующею только на избранныхъ и притомъ не всегда въ моментъ принятія таинства: вслѣдствіе чего указанная выше выра- женія имѣютъ чисто тропическій характеръ¹⁾. И если *воз- можность* разсмотрѣнія таинствъ въ связи съ благодатию для Кальвина всецѣло обуславливалась своеобразнымъ по- ниманіемъ съ его стороны *res significata* и его отношеній къ *signum* таинства, то въ усвоеніи именно *этой* точки зрѣ- нія при сужденіи о назначеніи таинствъ онъ несомнѣнно ру- ководился не инымъ какимъ-либо побужденіемъ, какъ исклю- чительно желаніемъ приблизить реформатское ученіе о та- инствахъ, насколько это было возможно безъ нарушенія основныхъ началъ реформатской системы вѣроученія, къ католическимъ и лютеранскимъ воззрѣніямъ на тотъ же предметъ²⁾. По крайней мѣрѣ, самъ Кальвинъ смотрѣлъ на

¹⁾ Cons. Tigur., art. XV: „*Sic interdum sacramenta vocantur sigilla dicuntur fides alere, confirmare, promovere: et tamen solus Spiritus proprie est sigillum: et Idem fidei incoator est et perfectior*“. Тотъ же смыслъ имѣ- етъ выраженіе: „*seu per media*“ (Conf. Belg., art. XXXIII, цит. выше), какъ обозначающее скорѣе отдаленное, кажущееся подобіе, чѣмъ близкое, дѣйствительное сходство, въ противоположность выраженію: „*tantum per instrumenta*“ (Conf. Aug. art. V), „*tantum adminicula*“ (Cons. Tigur. art. XII etc.; смыслъ термина: „*adminicula*“ въ его приложеніи къ таин- ствамъ будетъ указанъ ниже).

²⁾ Въ своемъ стремленіи приблизиться къ католическому и люте- ранскому образу воззрѣнія на таинства, Кальвинъ даже не смущался употреблять выраженія, на первый взглядъ вводящія мысль объ объективномъ присутствіи благодати въ таинствахъ. Такъ, исходя изъ положенія „*aliud est offerri, aliud recipi*“, онъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о присутствіи тѣла Христова въ свхаристикѣ: „*Atque haec est sacramenti integritas, quam violare totus mundus non potest, carnem et sanguinem Christi non minus vere dari indignus, quam electis Dei fidelibus simul tamen verum est, non secus atque pluvia super duram rupem*

усвоенію имъ указанной точки зрѣнія на таинства, какъ на уступку своимъ католическимъ и лютеранскимъ противникамъ, — уступку, только допустимую безъ противорѣчія основнымъ началамъ его воззрѣній на оправданіе, но несколько не требуемую этими началами, такъ какъ онъ имѣлъ полное право и возможность оставаться въ данномъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія Цвингли, т. е. говорить о назначеніи таинствъ лишь въ ихъ отношеніи ко всѣмъ приступающимъ къ нимъ безъ различія, будутъ ли то вѣрующіе или невѣрующіе, избранные или отверженные ¹⁾. Съ ослабленіемъ примирительныхъ тенденцій въ реформатствѣ, наступившемъ по смерти Кальвина, указанные выше троцы частію совѣмъ исчезаютъ изъ символическаго языка разсматриваемаго вѣроисповѣданія (*media, organa, testimonia*), частію же сопрождаются при своемъ употребленіи добавочными опредѣленіями, совершенно исключающими возможность какой-либо двусмысленности въ ихъ пониманіи (*sigilla*) ²⁾.

decidens effluit, quia nullus in lapidem ingressus patet, ita impios sua durtia repellere Dei gratiam, quominus ad ipsos penetret“ (*Inst.*, L. IV, c. XVII, § 33; срв. *Cons. Tigur.*, art. XVIII).

¹⁾ *Calv.*, *Cons. cap. expos.*: „*Quid etiam hic requirent boni viri? Deum per sacramenta agere volunt? Hoc docemus. Volunt in ipsis fidem nostram exerceri, foveri, adjuvari, confirmari? Idem asserimus. Volunt Spiritus sancti virtutem in illis extare, ut electis Dei in salutem prosint? Idem nos quoque concedimus*“ (*Niemeyer*, p. 208). „*His omnibus concessis, quid jam obstat, quaeso, quominus manum libenter porrigant?*“ (*Ibid.* p. 205).

²⁾ Такъ, *Confessio Helvetica*, въ позднѣйшей, обширнѣйшей своей редакціи (1566 года) уже не употребляетъ терминовъ: *media, organa* и *testimonia* (въ ихъ приложеніи къ таинствамъ), столь обычныхъ въ реформатскихъ символахъ, составленныхъ при жизни Кальвина и подъ его вліяніемъ, а отчасти имъ самимъ (напр., *Consensio Tigurina* съ *Consensionis capitum expositio*, *Catechismus Genevensis*, *Confessio Gallica*, *Belgica* и проч.), хотя оно несомнѣнно принадлежитъ къ кальвинистическимъ символамъ, о чемъ, помимо содержанія, свидѣлствуетъ и исторія его происхожденія и распространенія, какъ составленнаго послѣдователями Кальвина — Безою, Буллингеромъ и Гвалтеромъ и принятаго всѣми реформатскими церквами Европы, кромѣ Базельской и Нео-

Признавъ спасительность таинствъ (*salutarem efficientiam sacramentorum*) исключительно дѣломъ внутренней благодати (*arcanae virtutis*) Духа Святаго, Кальвинъ однако рѣшительно утверждаетъ, что таинства установлены не напрасно, а, напротивъ, имѣють свое особое назначеніе или цѣль въ жизни возрожденія¹⁾. Выше было показано, что этою цѣлю съ реформатской точки зрѣнія не могло быть признано возстановленіе свободы дѣйствія въ человѣкѣ вообще, и въ частности сохраненіе и утвержденіе волевого элемента вѣры въ немъ, ибо такое признаніе стояло бы въ противорѣчій съ монистическимъ взглядомъ реформатовъ на причины оправданія. Единственною областью, по отношенію къ которой

комійской, оставшихся вѣрными завѣтамъ Цвингли (см. *Corpus librorum symbol. eccl. reform.*, Augusti, ed. 1829, *Dissertatio historica*, p. 622). Указанныхъ терминовъ не встрѣчается также въ *Confessio fidei Puritano*, составленномъ въ 1648 году и свободномъ отъ всякихъ примирительныхъ тенденцій (*Niemeyer*, *Coll. conf.*, 1840, P. II, *append.*, *praefat.* [V—VI]). Что же касается термина „*sigillum*“, то хотя онъ и встрѣчается въ обоихъ указанныхъ символахъ, но при этомъ сопровождается опредѣленіями, исключающими всякое представленіе о связи его съ *causa testificatoria institutionis sacramentorum*. *Conf. et expos. fidei (Helvetica, 1566 г.)*, с. XIX: „*Et verbum Dei habetur instar tabularum vel litterarum, sacramenta vero instar sigillorum: quae litteris Deus appendit solus*“. (*Corp. et synt.*, p. 43). То же въ *Conf. fidei Purit.* с. XXVII. § 1: „*Sacramenta sunt foederis gratiae signa sacra et sigilla, immediate a Deo instituta, ad Christum ejusque beneficia repraesentandum, ad jus nostrum in illo confirmandum etc.*“, гдѣ самое имя вѣры, какъ объекта назначенія таинствъ, изъято и замѣнено далеко не тождественнымъ ему понятіемъ права (*ad jus, вместо ad fidem. confirmandum*).

¹⁾ *Calv.*, *Cons. cap. expos.*: „*Haece doctrinae nostrae summa est, quam dilucidis et minime ambiguis verbis testamur, Deum solum peragere, quicquid ex sacramentis consequimur, et quidem arcana sua et intrinseca, ut loquuntur, virtute. Ceterum, ne quis objiceret, signis quoque suis esse partes, ne frustra data sint: mature illic occurrimus, sic Deum illorum uti ministerio, ut neque vim ipsa suam infundat nec quicquam deroget Spiritus sui efficaciae*“. *Niemeyer*, p. 208. Въ другихъ мѣстахъ Кальвинъ указываетъ и основанія для этого служенія (*ministerium*) таинствъ и именно въ свойствахъ нашей ограниченной природы (*ruditas, infirmitas, imbecillitas*). См. *Cons. cap. expos.*, p. 206, цит. выше; также *Instit.*, L. IV, с. XIV, § 3. *Срв. Cons. Tigur.*, art. XII etc.

возможно было для Кальвина указать нѣкоторое самостоятельное значеніе таинства въ процессѣ обновленія, остается вѣра, разсматриваемая въ интеллектуальномъ отношеніи, вѣра, какъ актъ мысли, сознанія, а не воли, такъ какъ сознаніе наше по самой природѣ своей носитъ въ себѣ нѣкоторую двойственность, какъ противоположеніе сознающаго субъекта объекту сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое взаимодействіе между ними. Вслѣдствіе этой двойственности актовъ сознанія является возможнымъ представленіе двухъ факторовъ, дѣйствующихъ независимо другъ отъ друга—одинъ на объективную, другой на субъективную сторону процесса—для произведенія одного и того же акта сознанія. И дѣйствительно, Кальвинъ съ совершенною ясностью указываетъ на назначеніе таинствъ именно по отношенію къ интеллектуальному содержанію вѣры (къ *potitia fidei*), когда говоритъ, что Богъ пользуется таинствами для того, чтобы предносить Свои обѣтованія нашему сознанію (*ut suas promissiones conscientiis nostris offerat*); что, хотя они обозначаютъ то же самое, что содержится и въ словѣ, по отношенію къ которому суть *appendices et sigilla*, тѣмъ не менѣе весьма важно уже и то одно, что они представляютъ нашимъ глазамъ какъ бы живые образы, которые лучше дѣйствуютъ на наши чувства, какъ бы въ вещь вводя; что они суть „подиоры“, „лѣстницы“ и даже „вѣхи“ (*adminicula, fulturae, scalae, adjumenta*), словомъ—внѣшнія вспомогательныя средства, при содѣйствіи которыхъ вѣра наша восходитъ ко Христу, чтобы пользоваться Его благодѣянiями¹⁾.

¹⁾ Calv., Cons. cap. expos., цит. выше (Niemeyer, p. 205). Ibid. (p. 207): „Et certe Dominus sacramenta instituens minime impedimenta circumdedit, quae nos detineant in mundo, sed *scalas* potius erexit, per quas sursum ad coelos conscendere liceat... (Imo) *adjumenta* ad se quaerendum nobis porrexit, ut suo loco maneret“. Ibid. (p. 209): „Nemo sanus negabit, eundem Deum, qui his *subsidiis* infirmitatem nostram levat, fidem etiam dare, quae idoneis *fulturis* subnixae ad Christum conscendant,

При этомъ съ рѣшительною настойчивостью отбѣняется мысль, что сама вѣра, какъ способность познанія и желаніе его, имѣетъ свой особый, совершенно независимый отъ таинствъ источникъ, и что эта созерцательная сила вѣры метафизически предшествуетъ акту познанія и обуславливаетъ его возникновеніе, подобно тому какъ обладаніе зрѣніемъ предшествуетъ созерцанію солнечнаго свѣта и всего, что имъ освѣщается¹⁾. Таинства же имѣютъ непосредственное отношеніе къ объективной сторонѣ вѣры, какъ акта религіознаго познанія. Какъ чувственные образы предметовъ духовныхъ, они дѣлаютъ ихъ болѣе доступными для воспріятія и сохраненія ихъ въ сознаніи вѣрующихъ, облегчая, такимъ образомъ, лишь актъ познанія предметовъ вѣры (Erkenntniss), а также утвержденія и воспроизведенія познаннаго въ памяти, но не признанія его за истину (Anerkennniss), понятаго реформатами въ смыслѣ убѣжденія (persuasio), непосредственно создаемаго внутри челоуѣка непреодолимо дѣйствующею на него благодатію. Короче сказать, таинства вліяютъ не на силу убѣжденія въ достовѣрности истинъ, составляющихъ содержаніе вѣры, а на степень сознательности послѣдней.

Необходимость всякаго вообще внѣшняго посредства въ дѣлѣ познанія имѣетъ свое основаніе въ ограниченности нашего сознанія, въ силу которой каждый первичный актъ сознанія можетъ возникать въ насъ лишь подъ условіемъ

ut ejus gratiis potiatur“. Срв. Cons. Tig., art. VII: „Nam etsi nihil aliud significant (sacramenta), quam quod verbo ipso annuntiat, hoc tamen magnum est, subjeci oculis nostris quasi vivas imagines, quae sensus nostros melius afficiant, quasi in rem ducendo“.

¹⁾ Calvin., Cons. cap. expositio: „Et certe extra controversiam esse hoc debet: sicuti lucere solem et suos e caelo radios emittere non sufficeret, nisi prius dati nobis essent oculi, qui luce ejus fruantur. ita Dominum frustra externis signis illucescere, nisi nos oculos reddat“. Niemeyr, p. 209. Та же мысль съ большою подробностью выясняется Кальвиномъ въ его Institutio (L. IV, cap. XIV, § 9).

дѣйствія на послѣднее совнѣ (черезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ) объекта познанія. Благодать создаетъ въ человѣкѣ стремленіе и способность къ познанію предметовъ вѣры, но она не даетъ этого знанія готовымъ: законъ происхожденія познанія изъ взаимодѣйствія познающаго субъекта съ объектомъ познанія остается во всей своей силѣ и въ жизни возрожденія. Таково общее основаніе, на которомъ утверждается необходимость слова и таинствъ въ реформатствѣ ¹⁾).

Въ частности необходимость таинствъ въ дѣлѣ религіознаго познанія при существованіи слова, вызывается двумя отличительными свойствами нашего ограниченнаго сознанія: 1) конкретнымъ характеромъ нашей мысли, въ силу котораго непосредственнымъ объектомъ ея можетъ служить лишь данное во внѣшнемъ созерданіи, или въ чувственномъ воспріятіи; предметы же и отношенія міра духовнаго, сверхчувственнаго, могутъ быть воспринимаемы и обнимаемы нашимъ сознаніемъ лишь съ помощію элементовъ чувственнаго воспріятія, имѣющихъ въ данномъ случаѣ значеніе болѣе или менѣе условныхъ внѣшнихъ знаковъ (аналогій) для обозначенія и точнѣйшаго различенія невещественныхъ отношеній, при чемъ послѣднія тѣмъ яснѣе и раздѣльнѣе выступаютъ въ нашемъ сознаніи, чѣмъ тѣснѣе аналогическая связь или соотношеніе между ними и ихъ чувственными обозначеніями (—качественное ограниченіе нашего сознанія), и 2) такъ называемою узостью нашего сознанія, состоящею въ томъ, что въ каждый данный моментъ временной жизни сознанія содержаніемъ его мо-

¹⁾ Calv. Cons. cap. expos.: „Quaeritur, quatenus sacramentorum efficacia sit, quis usus, quod officium? Respondit scriptum nostrum, quum tota fidelium salus a spirituali, quam habent cum Filio Dei, communicatione pendeat, ejus testificandae causa tam Evangelii, quam sacramentorum usum esse mandatum“ (Niemeyer, p. 205), гдѣ *testificandae* употреблено въ смыслѣ простого возвѣщенія, объявленія (на что указываетъ сопоставленіе таинствъ съ словомъ), а не засвидѣтельствованія божественныхъ обѣтованій (=pronuntiandae). Срв. Ibid. p. 209, а также Instit. L. IV, c. XIV, § 9.

жетъ быть только одно представленіе, или отношеніе между представленіями, при чемъ живость и постоянство пребыванія ихъ (легкость воспроизведенія) въ сознаніи, какъ общее правило, находятся въ прямо пропорціональномъ отношеніи къ силѣ, продолжительности, постоянству (кратности) дѣйствія представляемаго предмета или знака, подъ которымъ мы его мыслимъ, если это предметъ міра сверхчувственнаго, на наши чувства (количественное ограниченіе нашего сознанія).

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть, что съ Кальвиновской точки зрѣнія возможно тройкое представленіе объ отношеніи таинствъ къ интеллектуальной сторонѣ вѣры, или что то же, тройкое пониманіе *causa obsignatoria institutionis sacramentorum*:

а) какъ *causa pronuntiativa*, общая слову и таинствамъ и опредѣляющая ихъ, какъ средства возвышенія, объявленія обѣтованій Божіихъ нашему сознанію (*signa pronuntiativa*, какъ *appendices* къ слову),

б) какъ *causa repraesentativa*, съ точки зрѣнія которой таинства являются средствами къ уясненію и раздѣльному представленію указанныхъ обѣтованій въ сознаніи человѣка (*signa illustrativa* или *symbola*), и—

в) какъ *causa obsignatoria* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), сообщающая взглядъ на таинства, какъ на средства утвержденія религіозныхъ представленій въ сознаніи (*signa confirmativa* или *sigilla*)¹⁾

¹⁾ *Cons. cap. expos.* „Sequitur deinde clarior illa, quam nuper attingi, explicatio, quamvis sacramenta notae sint ac tesserae christianae professionis. (дальше исключаются *causae professionalis, socialis* и *paedagogicae*). esse tamen *hunc fidem praeicipuum* inter alios, ut per ea Dominus suam gratiam nobis *testetur* (testificatio по отношенію собственно къ таинствамъ для Кальвина=pronunciatio), *repraesentet* atque *obsignet*“. Nemenyer, p. 205 Срв *Cons. Tiguri*, art VI

Послѣднія двѣ причины принадлежатъ исключительно таинствамъ. первая же принадлежитъ имъ и вмѣстѣ слову и притомъ таинствамъ въ гораздо меньшей степени, нежели слову, чрезъ присоединеніе къ которому они только и получаютъ свою значимость (*insigniuntur*)¹⁾.

Такимъ образомъ, главнѣйшею цѣлью установленія таинствъ, съ кальвиновской точки зрѣнія на оправданіе, является уясненіе и утвержденіе религиозныхъ представленій въ сознаніи вѣрующихъ. Въ первомъ отношеніи таинства разсматриваются имъ, какъ символы, облегчающіе воспріятіе интеллектуальнаго содержанія вѣры нашимъ сознаніемъ, во второмъ,—какъ печати, содѣйствующія сохраненію и воспроизведенію этого содержанія въ памяти христіанъ²⁾.

Но такъ какъ отъ степени сознательности вѣры зависитъ ея значеніе, какъ руководящаго принципа жизни и дѣятельности человѣка, то, не причиняя и не обусловливая бытія вѣры въ человѣкѣ, какъ волевой силы убѣжденія и протекающихъ изъ него мотивовъ нравственно-доброй дѣятельности (*non excitant, non efficiunt fidem*), таинства тѣмъ

¹⁾ *Cons. cap. expos*: „*Nam quum nihil absurdius sit, quam sacramenta efferri supra verbum, cujus appendices sunt ac sigilla, nihil verbo congruere reperiant, quod non sacramentis quoque demus*“. Срв *Cons Tigur.*, art. XII, цит. выше.

²⁾ Двойное значеніе таинствъ, мыслимое подъ общими почти всею реформатскимъ вѣроположеніямъ терминами: *symbola et sigilla*, стоитъ въ точномъ соотвѣтствіи съ двумя основными требованіями совершенства отъ каждаго изъ нашихъ представленій—ясности и живости. Таинства, какъ *symbola*, содѣйствуютъ устраненію несоотвѣтствія религиозныхъ представленій первому изъ указанныхъ требованій совершенства (*incogitantia*), а какъ *sigilla*—второму (*tarditas*). Въ *Cons. Tigur.* (art. XX) указанные два вида несовершенства вѣры разсматриваются, какъ единственныя препятствія къ пользованію плодами таинствъ, а въ *Institutio* Кальвина (L IV, с. XIV, § 3) къ нимъ присоединяется еще слабость, нетвердость (*infirmitas, imbecillitas*) вѣры, какъ принципа практической дѣятельности, каковое свойство (недостатокъ) вѣры можетъ быть разсматриваемо, какъ дальнѣйшее слѣдствіе несовершенствъ, характеризующихъ ее, какъ начало созерцательное.

не менѣе нѣкоторымъ образомъ содѣйствуютъ, благопріятствуютъ полнѣйшему ея обнаруженію, какъ таковой, утверждая и распространяя ея вліяніе на всю область сознательныхъ отправленій человѣческой жизни (*adjuvant, fovent, confirmant, promovent fidem ad salutem* или, по характерному выраженію Пуританскаго исповѣданія вѣры, *confirmant nostrum jus in Christo*, т. е. сознание этого права) И какъ въ теоретической, созерцательной дѣятельности вѣры они служатъ ей какъ бы „лѣстницами“ для восхожденія ко Христу или „вѣхами“ (путевыми знаками) для нахождения Его, — такъ въ отношеніи къ вѣрѣ, какъ принципу практической дѣятельности, они по справедливости могутъ быть названы „подпорками“, которыя, путемъ фиксаціи въ человѣческомъ сознаніи предметовъ вѣры, способствуютъ послѣдней сохранять господствующее положеніе надъ всѣми другими, именно земными началами человѣческой дѣятельности. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ таинства не имѣютъ прямого отношенія къ волевому элементу вѣры. Они не создаютъ ея и не обусловливаютъ ея происхожденія ни какъ познавательной силы или способности въ отношеніи духовныхъ предметовъ, ни какъ убѣжденія въ истинности познаваемого, ни какъ пракческаго начала любви, словомъ—они не причиняютъ бытія вѣры, какъ силы, но лишь сообщаютъ ей надлежащее направленіе, способствуя, можно сказать даже, вызывая ея къ свойственнымъ ей проявленіямъ чрезъ наилучшее представленіе сознанію объектовъ ея дѣятельности. Вѣра же, какъ сила созерцательная и дѣятельная, непосредственно творится въ человѣкѣ благодатію, дѣйствіе которой предшествуетъ и обусловливаетъ собою спасительность таинствъ.

Ал. Рождественскій.